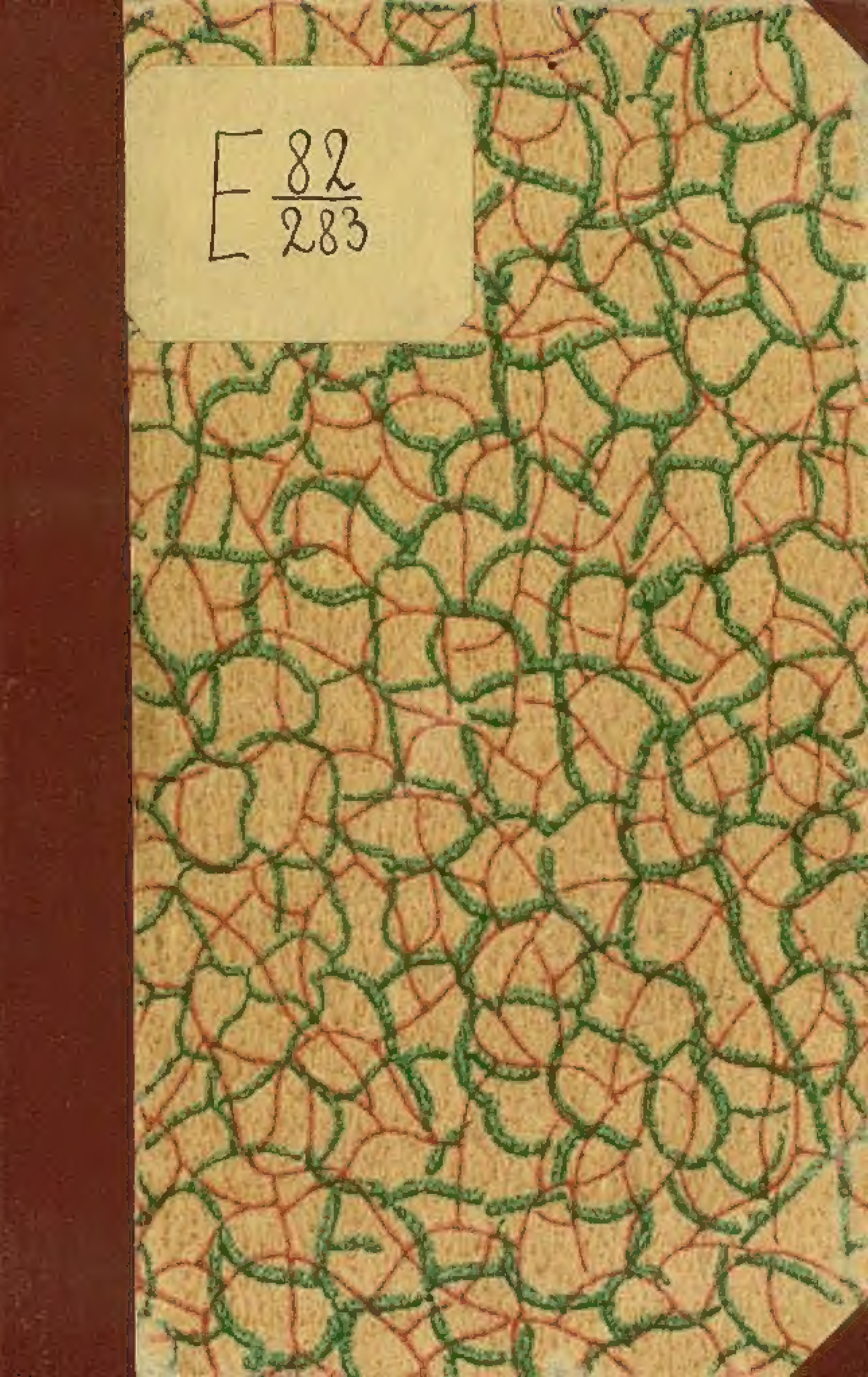

2007098075

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ДВИЖЕНІИ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ (*).

—

Милостивые государи!

Наука готовитъ роскошный пиръ: иначе нельзя назвать этнографическую выставку, задуманную обществомъ любителей естествознанія. Что же скажетъ намъ наука этою этнографическою выставкою? Что скажетъ намъ о Россіи, о насъ самихъ, чему научитъ? Что скажетъ намъ этотъ пестрый сонмъ разно-

(*) Изъ публичныхъ лекцій Общества Любителей Естествознанія. Статья эта должна войдти въ обширное изданіе, предпринятое обществомъ.

образныхъ человѣческихъ фигуръ? Я счелъ своею обязанностію принять посильное участіе при разрѣшеніи этихъ вопросовъ.

Прежде всего остановитъ насъ на выставкѣ пестрая кайма изъ разнообразныхъ народовъ на востокѣ, сѣверо и юговостокѣ. Теперь эта кайма узка; но въ старину предки нѣкоторыхъ изъ этихъ народовъ были хозяева на великой восточной европейской равнинѣ, которую мы теперь называемъ Россіею. На два главныхъ отдѣла можно раздѣлить эти послѣдніе народы: одни съ незапамятныхъ поръ жили на великой равнинѣ, въ сѣверной и средней ея части, жили рѣдко, разбросавшись на огромныхъ пространствахъ, притаившись въ лѣсныхъ чащахъ среди озеръ и болотъ. Жили они когда-то здѣсь—вотъ все, что̀ можетъ сказать объ нихъ исторія; незамѣтно, не слышно они жили; незамѣтно, не слышно они исчезли изъ срединныхъ частей великой равнины, оставивъ по ея окраинамъ свои

образчики. Мордвинъ, чувашъ, черемисинъ, зырянинъ, лопарь — вотъ эти образчики. Отъ ихъ настоящаго, легко заключить къ прошедшему, легко понять, почему не они унаслѣдовали нашу землю. Они жили здѣсь, гдѣ живемъ теперь мы; отъ нихъ остались названія, слова; но дѣла ихъ не остались.

Отъ народовъ другаго отдѣла остались дѣла, записанныя въ исторіи; не тихо, не безъ движенія, не притаившись въ какихъ нибудь захолустьяхъ, прожили они свою жизнь. Напротивъ, они двигались съ неимовѣрною быстротою; и вѣсть объ ихъ движеніяхъ обхватывала ужасомъ народы; гдѣ пройдутъ—тамъ кровь и развалины; слыли они бичами Божіими, порожденіями злыхъ духовъ; дѣло ихъ — дѣло разрушенія, создать они ничего не могутъ; опустошивши все въ извѣстной мѣстности, они стремятся далѣе, какъ са-

ранча. Такіе-то народы долго хозяйничали въ нашей странѣ, въ южной, степной половинѣ, налагая тяжелую руку и на сѣверную лѣсную часть. Но они не воздѣлали земли и потому не унаслѣдовали ея. Къ наслѣдству былъ призванъ другой народъ, способный воздать плоды свои во времена своя. Грозныя орды, бичи Божіи, должны были бѣжать предъ нимъ въ дальнія степи. Въ пестрой каймѣ выставки мы найдемъ представителей потомства ихъ. Невольная улыбка является на устахъ при видѣ этого потомства и при сравненіи его значенія съ значеніемъ предковъ, страшныхъ бичей Божіихъ для Европы; но при этомъ сравненіи всего яснѣе обнаруживается значеніе того народа, который трудомъ, подвигами унаслѣдовалъ себѣ великую восточную равнину, отнялъ ее у Азіи и возвратилъ Европѣ.

Всѣ историческіе народы, эти добрые

нѣ. Государь Императоръ, внимательно слѣдившій за періодическою печатью, съ безпокойствомъ принималъ печальныя извѣстія о вспышкахъ, которыя то и дѣло нарушали спокойствіе Европы. Весной Государь заболѣлъ довольно серіозно и въ апрѣлѣ слегъ въ постель. Случилось, что и Александра Ѳеодоровна, въ это время, также заболѣла, и весь городъ былъ въ страшномъ безпокойствѣ объ этомъ посѣтившемъ всю Россію несчастіи. Болѣзнь эта была, однако, непродолжительна, и лѣтнее пребываніе за городомъ совершенно поправило здоровье Ихъ Величествъ.

Въ сентябрѣ было отпраздновано совершеннолѣтіе Константина Николаевича, а чрезъ мѣсяцъ послѣ того былъ совершенъ обрядъ обрученія съ прибывшею въ Петербургъ принцессой Альтенбургской, названною при присоединеніи къ православію Александрой Іосифовной.

Между тѣмъ извѣстія, приходившія изъ Западной Европы, были все болѣе и болѣе печальнаго свойства; княгиня Ливенъ, жившая тогда въ Парижѣ, пи-

чили богатое наслѣдство въ цивилизаціи древняго міра и, благодаря этому наслѣдству, получили на свою долю трудъ легкій,—нашъ народъ получилъ страну громадную и дѣвственную, по которой не прошла исторія, которую нужно было завоевать у дикихъ силъ природы и у дикихъ народовъ.

Въ началѣ главная историческая сцена русскаго народа утвердилась на Днѣпровской степной Украйнѣ, въ Кіевѣ и около него, въ странѣ лучшей по природнымъ условіямъ, на великой равнинѣ, вблизи европейскихъ христіанскихъ собратій; на великомъ водномъ пути изъ сѣверной Европы въ южную, не далеко отъ Византіи, —однимъ словомъ, въ обстоятельствахъ, очень благопріятныхъ для труда, для промысловъ, которыми русскій народъ долженъ былъ воздѣлывать данную ему землю. Но вотъ лѣтопись сообщаетъ намъ извѣстія, которыя всего лучше дадутъ

намъ понятіе о состояніи труда и промысловъ въ древней Кіевской Руси. Наступаетъ весна, и князья съ своими дружинами должны собираться въ походъ на степныхъ хищниковъ—за чѣмъ? За тѣмъ, что безъ этого, если земледѣлецъ выйдетъ въ поле на работу, то степной хищникъ подкрадется и убьетъ земледѣльца, захватитъ его семейство и пожитки. Одинъ походъ въ степь конченъ; но дружина княжеская опять сѣдлаетъ коней, опять идетъ въ степь, по берегамъ Днѣпра; ей нужно спѣшить на встрѣчу къ купцамъ, идущимъ изъ Греціи, иначе степные хищники разгромятъ ихъ. Искусственныя плотины противъ песчанаго моря, городки, которые строились на границахъ съ степью, мало помогали: хищники прорывались всюду и опустошали землю—«разносили розно русскую землю», по тогдашнему выраженію; въ городахъ, какъ жаловались князья, жили псари да полов-

цы. При такомъ положеніи дѣлъ, люди, склонные къ мирному труду, не могли оставаться въ странѣ, и вотъ, съ запустѣніемъ и ослабленіемъ юго-западной Руси, людпѣетъ и усиливается сѣверо-восточная — знакъ, что народонаселеніе отхлынуло отъ опаснаго сосѣдства съ степью въ болѣе суровую и бѣдную, но болѣе безопасную сѣверо-восточную лѣсную часть великой равнины. Здѣсь ждалъ русскаго человѣка громадный трудъ расчистки и воздѣланія нетронутой земли, покрытой лѣсами и болотами; но онъ не побоялся труда и покорилъ себѣ имъ суровую, упрямую сѣверную природу.

Между русскими людьми, занявшими сѣверную лѣсную страну, и между русскими людьми, остававшимися на югѣ, на степной Украйнѣ, скоро обозначилось различіе и вмѣстѣ явилось между ними раздѣленіе занятій. Съ юга на сѣверъ, изъ степной въ лѣсную сторону шелъ

тотъ русскій человѣкъ, который чувствовалъ стремленіе къ мирному труду; на югѣ оставался тотъ русскій человѣкъ, которому нравились опасности украинской жизни, эта безпрерывная борьба съ кочевниками, гулянье по широкому раздолью степи. Кромѣ такихъ людей, остававшихся на Украйнѣ, сюда, съ теченіемъ времени, начали стремиться съ сѣвера люди, которые, по природѣ своей, не чувствовали склонности къ мирному труду, которымъ хотѣлось размять свое плечо богатырское, погулять по широкой степи, перевѣдаться съ ея жителями. Отсюда въ древней Россіи, раздѣленіе ея народонаселенія на сѣверное, преданное мирнымъ занятіямъ, на *земскихъ людей*, и южное, украинское и степное *казаковъ*. *Земскій человѣкъ* работаетъ, онъ воздѣлываетъ землю, упрочиваетъ ее цивилизаціи, *вольный казакъ гуляетъ*, *полякуетъ* (отъ поле—степь), но вмѣстѣ и сторожитъ

степнаго хищника, дерется съ нимъ и пролагаетъ земскому человѣку пути на юго-востокъ и сѣверовостокъ; гдѣ кочевалъ степной хищникъ, или гдѣ впустѣ лежала благодатная земля, тамъ гуляетъ вольный казакъ, а за нимъ является и земскій человѣкъ съ топоромъ, серпомъ и косою, съ своимъ воздѣлывающимъ землю трудомъ.

Такимъ образомъ, при этомъ раздѣленіи занятій между земскими людьми и казаками, европейская почва очищалась все болѣе и болѣе отъ засорявшихъ ее азіятскихъ кочевниковъ. Казаки, по обычаю, проложили дорогу за Уральскія горы, и, отыскивая, по ихъ выраженію, новыя землицы, прошли всю сѣверную Азію вплоть до Восточнаго океана, за ними явились и земскіе люди полагать начало воздѣланію неизмѣримой и пустыной страны. Съ окончаніемъ этой дѣятельности, обѣ части русскаго народона-

селенія должны были измѣнить свои отношенія. Легко понять, что господствующая роль должна была принадлежать земскимъ людямъ, ибо ихъ былъ трудъ воздѣлыванія земли; они этимъ трудомъ унаслѣдовали ее себѣ, они завоевали ее у дикихъ народовъ и у дикой природы для европейско-христіанской цивилизаціи, они образовали крѣпкое государство.

Вольные казаки, гуляющіе по широкой степи, могли быть терпимы въ этой формѣ, пока широкая степь не понадобилась земскому человѣку для воздѣлыванія. Казаки также должны были принять участіе въ этомъ воздѣлываніи съ одной стороны, а съ другой, сохраняя свое историческое значеніе, составить вѣрное государству войско. Дѣло не могло совершиться вдругъ и безъ сильной борьбы. Люди, которымъ не нравился тяжелый трудъ земскаго человѣка, которые бѣжали на степной просторъ для вольнаго гулянья, для житья

на чужой счетъ, эта голытьба, тянувшаяся постоянно въ степь безъ всего, плохо-одѣтая и безконная, чтобы пріобрѣсти и платье, и коня въ борьбѣ съ чужими, а, за недостаткомъ чужихъ, и съ своими,—эта голытьба не откажется безъ борьбы отъ своей воли и отъ своей степи, отъ своего широкаго гулянья. Она жестоко дала почувствовать земскимъ людямъ свою силу въ началѣ XVII вѣка, когда земля замутилась и разшатались основы государства; но земскіе люди, отуманенные сначала смутою, скоро оправились, очистили землю и возстановили государство; казаки должны были бѣжать назадъ въ степь. Во второй половинѣ XVII вѣка, подъ предводительствомъ Разина, они опять схватились съ государствомъ, но государство, не смотря на истощеніе силъ отъ тяжелой внѣшней войны, оказалось сильнѣе казаковъ. Въ началѣ XVIII вѣка казаки подъ Булави-

нымъ снова поднимаютъ возстаніе на Дону и снова принуждены смириться предъ государствомъ. Это было последнее возстаніе казаковъ на Дону. Во второй половинѣ XVIII вѣка последній казацкій бунтъ—пугачевскій; затѣянъ онъ донскимъ казакомъ, но не на Дону, а на самой дальней рѣкѣ на востокѣ, на Яикѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ эта степная борьба на великой равнинѣ, сначала съ кочевыми ордами, потомъ съ казацкою голытьбою, отодвигается постепенно съ запада на востокъ и вмѣстѣ съ этимъ Европа распространяется на счетъ Азіи. Въ туже вторую половину XVIII вѣка, когда былъ послѣдній казацкій бунтъ, пугачевскій, перестала существовать на Днѣпрѣ запорожская сѣчь, вслѣдствіе столкновенія казаковъ съ земскими людьми. Земскіе люди, воздѣлыватели земли, съ разныхъ сторонъ проникали въ степь, занимая ее для Европы,

для цивилизаціи; запорожцы протестовали противъ этого, требовали, чтобы степь оставалась степью, прежнимъ широкимъ раздольемъ для нихъ. Это требованіе, напоминавшее XII и XIV вѣка, звучало слишкомъ странно во второй половинѣ XVIII; сѣчь была уничтожена на Днѣпрѣ; но она возродилась въ новомъ видѣ, согласно съ новыми потребностями, на востокѣ; въ Черноморьѣ казакъ былъ разведенъ съ земскимъ человѣкомъ. Въ то же время прекратила свое независимое существованіе послѣдняя хищная орда, орда крымская, и южная часть великой равнины была окончательно обезпечена для земскаго человѣка, для его труда, для цивилизаціи. Припомнимъ сказанное нами о состояніи Приднѣпровской Руси, степной Украйны въ XII и XIII вѣкѣ; припомнимъ, какъ русскій человѣкъ, не находя здѣсь обезпеченія труду, уступалъ мѣсто кочевому хищнику и удалялся на

дальній сѣверъ, въ лѣсную сторону; здѣсь сталъ твердою ногою, положилъ прочныя основанія государству, и отсюда сильный двинулся во всѣ стороны, сметая передъ собою кочевыхъ хищниковъ, очищая европейскую почву отъ всего, что засоряло ее, мѣшало ея воздѣлыванію; слѣдствіемъ этого движенія было то, что въ XVIII вѣкѣ русскій человѣкъ опять явился на югѣ, но уже полнымъ хозяиномъ, не боясь степнаго хищника; земледѣлецъ могъ пахать спокойно и купецъ безопасно везти свои товары.

Таковы были результаты движенія русскаго народонаселенія на великой восточной равнинѣ, того народонаселенія, которое унаслѣдовало землю, воздѣлавъ ее для цивилизаціи, поливъ пôтомъ своимъ и кровью. Какъ послѣ долгаго ненастья небо наконецъ проясняется, только на краю горизонта виднѣется тонкая гряда истощенныхъ облаковъ, которые уже не

дадутъ болѣе дождя, такъ послѣ долгой непогоды, долгой и трудной борьбы, небо прояснилось надъ великой восточной равниной Европы,—и она представила намъ многочисленное сплошное русское народонаселеніе; только на краяхъ виднѣются разнообразные остатки иноплеменныхъ народовъ, когда-то причинявшихъ ненастье нашей страны и странъ сосѣднихъ, но теперь безопасныхъ, слабыхъ въ своемъ размельченіи, слабыхъ въ своемъ красивомъ на этнографической выставкѣ разнообразіи.

Но кромѣ этихъ народовъ, въ которыхъ все обличаетъ чужое намъ племя, чужой бытъ, чужіе нравы, что это за народы стоятъ по другую сторону нашихъ русскихъ людей, нашихъ великороссіянъ, малороссіянъ и бѣлоруссовъ? Какіе это народы: за чѣмъ они тутъ выставлены? нашей ли земли они люди? это нашей крови люди, наши братья—славяне. Рус-

ская наука не могла устроить праздникъ и не позвать родныхъ, тѣмъ болѣе, что устройство русской этнографической выставки вмѣстѣ съ славянскою есть уже само по себѣ великое торжество науки. Издавна существовали эти народы въ Европѣ, различна была судьба ихъ, но въ одномъ была она сходна,—въ томъ, что была очень печальна; причина — отсутствіе сознанія о своемъ единствѣ, о своихъ силахъ, о своихъ средствахъ къ исторической жизни. По отсутствію этого сознанія нѣкоторые изъ славянскихъ племенъ на первыхъ же порахъ отреклись отъ самихъ себя, приняли чужую народность; другіе, сохранивъ въ массѣ свою народность, подпали чужому владычеству, занеслись въ чуждую сферу дѣятельности, служили чуждымъ цѣлямъ и интересамъ. Но для славянъ настало, наконецъ, время пробужденія; въ нихъ начало обнаруживаться со-

знаніе о себѣ, какъ о великомъ цѣломъ, имѣющемъ свои средства къ историческoй жизни. Не нужно много распространяться о томъ, какое значеніе въ пробужденіи и поддержкѣ этого сознанія имѣла Россія, эта единственная, независимая и сильная держава, единственная и полноправная представительница великаго племени. Не для одного себя, слѣдовательно, трудился русскій народъ, борясь съ страшными препятствіями, при воздѣлываніи своей громадной страны для цивилизаціи, завоевывая свою независимость политическую и нравственную, защищая ее и отъ востока и отъ запада, отъ *бесерменства и латинства*, по старому выраженію. Съ движеніемъ русскаго народонаселенія соединялась будущность всего славянскаго племени, ибо племя для достойнаго историческаго существованія, среди другихъ племенъ, должно достойно представляться, и славянское племя нашло

ѐто достойное представительство въ русскомъ народѣ. Въ этомъ народѣ славянское племя сознало свои силы, свои средства, свое величіе.

Но для полнаго просвѣтленія сознанія народовъ о самихъ себѣ, о своихъ средствахъ для историческаго существованія, необходима наука. И наука явилась на помощь славянскому племени: она взрыла его прошедшее, чтобъ просвѣтлить сознаніе о настоящемъ и возбудить надежды на будущее. Въ свою очередь счастливое будущее для насъ русскихъ не мыслимо безъ научнаго преуспѣянія. Не даромъ исканіе науки имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи, въ историческомъ движеніи русскаго народонаселенія. Наука дорога́ для насъ, потому что мы ее добыли кровью, должны были ее завоевывать; полтора вѣка завистливые сосѣди не давали намъ науки, отталкивали насъ отъ средствъ получать ее.

Но народъ, развившій свои силы въ борьбѣ съ препятствіями, не отчаявался и наконецъ, достигъ своей цѣли — добылъ науку. Тяжелымъ, черным трудомъ и кровью, онъ завоевалъ свою страну у дикой природы и у дикихъ народовъ, но только посредствомъ науки могъ воздѣлать ее въ достойное жилище великаго историческаго народа, который долженъ выразить свой духъ въ этомъ воздѣланіи. Нѣтъ страны, которая бы болѣе нуждалась въ помощи науки, чѣмъ наша страна. Съ пробужденіемъ своего сознанія русскій человѣкъ, обозрѣвая на картѣ обширность своей страны, поражался этою обширностью и гордился ею. Наша Россія величайшее государство въ мірѣ! Но историческая наука, въ своемъ постоянномъ движеніи впередъ, охладила его восторгъ: она сказала ему, что дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ, не въ обширности страны, а въ ея выгодныхъ условіяхъ,

благотворно дѣйствующихъ на развитіе силъ народныхъ; отсюда маленькая область Грецiя имѣетъ въ исторіи значеніе по важнѣе, чѣмъ громадная Вологодская или Архангельская губернія. Исторія указала, что обширность русской государственной области была постояннымъ и могущественнымъ препятствіемъ, для государственнаго и народнаго благосостоянія, что разбросанность рѣдкаго народонаселенія по громадной странѣ отнимала у него силу, съуживала горизонтъ, не внушала привычки къ общему дѣйствію, усиливала особность жизни и мелкость интересовъ, препятствовала необходимой быстротѣ государственныхъ отправленій. Не входя въ подробности, стоитъ указать только на то, что разбросанность рѣдкаго народонаселенія по необъятной странѣ, рѣдкость рабочаго человѣка, переманка его отъ одного землевладѣльца къ другому, дѣлали невозможнымъ вольнонаем-

ный трудъ и повели къ крѣпостному. Наконецъ, обширность страны, составляющей особый міръ, дала такую многовѣковую, трудную работу русскому человѣку, что онъ только очень поздно, по окончаніи своей черной работы, получилъ досугъ и возможность сблизиться съ народами цивилизованными.

Итакъ нечего, повидимому, гордиться обширностію нашей страны; напротивъ, много причинъ тяготиться этою обширностію, какъ причиною многихъ и многихъ затрудненій. Но наука не любитъ поспѣшныхъ одностороннихъ выводовъ: наука не позволитъ безъусловно восхищаться обширностію нашей страны; но она же не позволитъ и приходить въ отчаяніе отъ этой обширности; наука укажетъ намъ еще другую сторону дѣла.

Между страною и человѣкомъ, который въ ней живетъ, существуютъ двоякаго рода отношенія. Вліяніе природныхъ усло-

вій страны на характеръ, обычаи и дѣятельность народа, въ ней живущаго; безспорно и особенно это вліяніе бываетъ сильно на первыхъ порахъ исторіи народа, когда онъ еще слабъ предъ природою. Но человѣкъ немедленно же начинаетъ съ нею борьбу, которая идетъ болѣе или менѣе для него удачно, смотря потому, къ какому племени, болѣе или менѣе одаренному, принадлежитъ онъ. Если борьба идетъ успѣшно для человѣка, то уже онъ начинаетъ, въ свою очередь, подчинять природу своему вліянію, вліянію своей разумной силы, своей дѣятельности. Страна, вслѣдствіе этого, начинаетъ измѣнять свой видъ, свои природныя условія; особенно такое измѣненіе оказывается ощутительнымъ, когда среди народа начинаетъ процвѣтать наука. Тутъ-то собственно начинается настоящее, многостороннее воздѣлываніе страны, ея измѣненіе, ея подчиненіе разумной силѣ человѣка; тутъ-то

начинается творчество его, какъ царя природы. Непроходимыя болота превращаются въ тучныя пастбища, дремучіе лѣса просѣкаются, теряютъ свое исключительное господство; гдѣ не было лѣсовъ, тамъ они являются искусственно насажденные; вредныя растенія и животныя исчезаютъ, полезныя акклиматизируются; съ воздѣлываніемъ почвы, съ уменьшеніемъ болотъ и лѣсовъ смягчается климатъ; наконецъ, пространства исчезаютъ вслѣдствіе быстроты сообщеній, созданной наукою. Высокія горы не составляютъ болѣе препятствій для сообщенія, не особятъ народонаселенія: горы прорыты тоннелями, чрезъ которые мчатся вагоны желѣзной дороги. По прошествіи извѣстнаго времени страну узнать нельзя; такъ измѣнилъ ее человѣкъ.

Но, вслѣдствіе возможности такихъ измѣненій, иначе ставится вопросъ относительно страны. Обширность страны, без-

условно взятая, есть условіе всегда выгодное; вредна она можетъ быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ: когда страна дѣвственная, нетронутая цивилизаціею; когда количество народонаселенія слишкомъ мало въ сравненіи съ обширностью страны, и когда это населеніе, по степени своего развитія, болѣе подчиняется природнымъ условіямъ, чѣмъ подчиняетъ ихъ себѣ. Но когда дѣло пойдетъ на-оборотъ, когда, съ теченіемъ времени, обширная страна представила значительное и сплошное единоплеменное народонаселеніе, а главное, когда это народонаселеніе получило могущество въ наукѣ, когда, посредствомъ этого могущества, оно измѣняетъ природныя условія, уменьшаетъ, уничтожаетъ ихъ неблагопріятность, уничтожаетъ пространство: тогда, разумѣется, обширность страны явится своею выгодною стороною. Одинъ даровитый, хотя и увлекающійся иногда своимъ поэтическимъ

чувствомъ, поэтическимъ талантомъ писатель Германіи, Риль, выразился, что у западныхъ европейцевъ нѣтъ будущности, потому что у нихъ нѣтъ лѣса; что будущность имѣютъ русскіе и сѣверо-американцы, потому что у нихъ есть лѣсъ. Оставивъ въ сторонѣ оригинальность, мысль, въ извѣстной степени, вѣрная. Риля безпокоитъ въ западной Европѣ отсутствіе лѣса, какъ признака простора: человѣкъ захватилъ уже все у природы, нечего больше взять; съ увеличеніемъ народонаселенія излишекъ его уже долженъ покидать страну и переселяться въ дальнія, совершенно иныя, совершенно чужія страны. У насъ, русскихъ, благодаря обширности нашей страны, много простора; намъ не нужно искать чужихъ странъ, новыхъ селищъ за океаномъ; наши владѣнія не за далекими морями, не населены сотнями милліоновъ, порабощенныхъ до поры до

времени иноплеменниковъ; отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго вплоть до Восточнаго океана,—это все одна нераздѣльная сплошная Россія. Кто ее подѣлитъ? Кто осмѣлится прикоснуться къ ея нешвейной порфирѣ, сотканной при-природою и исторіею? Но чтобы пользоваться этими выгодами, надобно сознавать ихъ, а это возможно только посредствомъ науки. Наша будущность не въ лѣсѣ только, не въ просторѣ нашей неизмѣримой страны: наша будущность—будущность этой неизмѣримой страны, этой шестой части свѣта въ наукѣ. Наука уничтожитъ, или, по крайней мѣрѣ, уменьшитъ неблагопріятныя условія страны; наука укажетъ выгодныя условія, вскроетъ естественныя богатства и дастъ средства пользоваться ими; наука уменьшитъ пространство, сблизитъ, сдружитъ русскихъ людей, усилитъ ихъ дѣятельность; наука вскроетъ прошедшее и уяснитъ настоя-

щее; наука скажетъ намъ, кто мы, откуда идемъ, а слѣдовательно, куда должны идти? Наука укажетъ намъ, кто подлѣ насъ, съ кѣмъ мы должны имѣть дѣло? гдѣ свои и гдѣ чужіе, гдѣ друзья и гдѣ враги? Недаромъ наука дорого куплена нашими предками; почтимъ же ихъ трудъ, ихъ кровь, сохранимъ священное наслѣдство и будемъ достойны родительскаго благословенія,—благословенія трудомъ и наукою. С. Соловьевъ.

(*Изъ № 103-го «Русск. Инв.»*).

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ,
27-го апрѣля 1867 г.

Въ Военной Типографіи.
(Въ зданіи Главнаго Штаба).
1867.

2007098076